

Чилийская модель развития

Демократия и авторитаризм

Современная Чили представляет собой одно из самых развитых государств Латинской Америки с населением 17,2 миллиона человек. Средний возраст чилийцев — 31 год, ожидаемая средняя продолжительность жизни — 79 лет. По индексу человеческого развития Чили занимает 44-е место в мире (из 187 стран), что соответствует характеристике «очень высокий уровень»¹. По степени экономической свободы и конкурентоспособности находится на первом месте в регионе и одном из первых мест в мире (7-е место из 184 стран). Профессионализм и ответственность национальной политической элиты и дипломатии, эффективная, динамичная модель экономики, сформированная в конце 1970-х годов, экономическая, а с 1990-х годов — и политическая открытость миру, прагматизм в достижении поставленных целей — все это создало Чили имидж успешного, состоявшегося государства, примера для многих других латиноамериканских стран.

11 сентября 2013 года Чили отметила одну из самых трагических дат в своей истории — 40-летие военного переворота 1973 года и установления правоавторитарного режима А. Пиночета (1973—1989). Несмотря на то, что страна является консолидированной демократией, в которой достигнут базовый консенсус относительно таких понятий, как «демократия» и «авторитаризм», воспоминания о событиях тех лет снова захлестнули чилийское общество, вызвали массу выступлений в прессе, дискуссий и споров, взаимных обвинений политических противников. Противоречивые эмоции наложили отпечаток на ход президентской избирательной кампании, проходившей осенью 2013 года и во второй раз принесшей победу социалистке Мишель Бачелет². Оказалось, что прошлое способно активно вторгаться в жизнь новых поколений, более того — вести себя так, как будто бы ничего не измени-

ДЬЯКОВА Людмила Владимировна — старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, кандидат политических наук.

Ключевые слова: Чили, С. Альенде, А. Пиночет, диктатура, авторитаризм, неолиберализм, М. Бачелет, политическое развитие, демократия, модернизация, Латинская Америка.

¹ См. Human Development Report 2011. N. Y., 2012.

² М. Бачелет занимала пост президента в 2006—2010 годах. На выборах 2013 года она представляла левоцентристскую коалицию «Новое большинство», в которую, помимо социалистов и христианских демократов, вошли также коммунисты.

лось за два десятилетия демократии, и не было впечатляющих экономических и социально-политических успехов периода 1990—2013 годов.

В связи с этим особый интерес представляет анализ некоторых особенностей чилийской модели развития, который, возможно, даст ответ на вопрос о причинах сохраняющегося в обществе раскола относительно давно пережитых, казалось бы, событий.

* * *

До 1973 года Чили считалась одной из старейших демократий Латинской Америки, в которой не было ни длительных и кровавых гражданских войн, ни продолжительных периодов политической нестабильности, ни бесконечной череды военных переворотов, столь типичных для других государств региона.

Комплекс демократических идей, определивших лицо национальной политической культуры, сложился здесь в конце XIX — первой половине XX века и включал: активность и самостоятельность вполне сформировавшихся политических партий; представление об особой роли и ответственности политической элиты в жизни страны; традицию социальной защиты беднейших категорий населения; роль гражданского общества, с его практикой низовой самоорганизации и улучшения повседневной жизни собственными силами; политический гуманизм, акцентирующий внимание на ценностях свободы и реформистского пути в проведении любых преобразований.

В стране уже в конце XIX века, помимо Либеральной и Консервативной, действовали Радикальная и Демократическая партии, в 1912-м была создана Коммунистическая, а в 1933-м — Социалистическая партии. Либеральное правительство Артуро Алессандри (1920—1925) одним из первых в Латинской Америке приняло трудовой кодекс, защитивший основные права рабочих, и заложило глубокую традицию социального реформизма.

Позднее всех (в 1957 году) образовалась Христианско-демократическая партия, лидер которой, выдающийся политик Эдуардо Фрей, возглавил в 1964—1970 годах одно из самых знаковых, социально-ориентированных правительств Чили, начавшее проводить аграрную реформу, повышать доступность образования, улучшать жизнь бедных слоев населения. Несмотря на то, что осуществить подлинные, глубокие реформы Фрею не удалось — ему катастрофически не хватило времени, — эта политика получила название «революция в условиях свободы».

Последней страницей непростого, но относительно стабильного периода демократического развития «до» военного правления стала деятельность левокоалиционного правительства под руководством президента-социалиста Сальвадора Альенде, вошедшего в историю как Народное единство (1970—1973). Ни это правительство, объединившее социалистов, коммунистов и членов небольших левых партий, ни трагическая фигура Альенде не получили однозначных оценок в исследовательской литературе, оставаясь для одних — символом мужества и героизма, для других — примером тяжелых политических просчетов.

С одной стороны, это действительно была попытка создать широкую коалицию леводемократических сил и осуществить построение социализма мирным путем, опираясь на глубокую демократическую традицию Чили.

С другой стороны, именно деятельность Народного единства, быстрота и радикализм начатых преобразований, их непредвиденные экономические последствия окончательно настроили против правительства не только консервативную часть общества, но и широкие слои населения, а главное — разбудили молчавшую несколько десятилетий и, казалось бы, отстранившуюся от политики армию. Поистине трагическую роль сыграли и собственные разногласия внутри Народного единства.

Сам С. Альенде, врач по образованию, происходивший из семьи адвоката³, не был ни сторонником диктатуры пролетариата, ни апологетом революционного насилия и ожесточенной классовой (тем более партизанской) войны. Однако радикалы в рядах СПЧ, игравшей ключевую роль в Народном единстве, и активисты ультралевой организации МИР⁴, готовые развернуть вооруженную борьбу, вплоть до партизанской «герильи», подталкивали правительство к ускорению темпов и расширению масштабов начатых преобразований, не считаясь ни с какой объективной реальностью. Характерно, что позиция КПЧ под руководством Луиса Корвалана в целом была более умеренной и прагматичной, нацеленной на единство всех демократических сил, на союз с широкими слоями среднего класса. Судьбу коалиции, однако, решили революционные догматики, взявшие верх в рядах социалистов.

В итоге обещанная народу мирная революция «с хлебом и вином» вылилась в политический хаос, а идея социальной справедливости, нашедшая наиболее яркое выражение в масштабной аграрной реформе и быстрых темпах национализации, обернулась массовыми попытками самовольного захвата земельной собственности и промышленных предприятий, а также глубокими экономическими потерями. Огосударствление чилийской экономики в 1970—1973 годах происходило с колоссальным размахом: в 1971 году был принят закон о национализации меди; доля государства в транспортной отрасли составила 70 процентов, в финансовой сфере — 85, в СМИ — 70 процентов, в сфере услуг — 100 процентов. Общее количество государственных предприятий в промышленности увеличилось с 14 процентов в 1965-м до 40 процентов в 1973 году⁵. Профсоюзы, находившиеся под влиянием МИР, требовали еще большего ускорения темпов национализации.

Ситуацию обострил тяжелый экономический кризис, начавшийся в 1972 году, и падение мировых цен на медь (основной продукт чилийского экспорта). Катастрофическая инфляция (605 процентов), рост цен и дефицит продуктов питания, появление очередей и «черного рынка» привели к росту недовольства действиями правительства, многочисленным забастовкам и маршам протеста, в которых принимали участие как рабочие национализированных предприятий, так и средние слои чилийского общества (в том числе мелкие собственники и домохозяйки).

³ С. Альенде родился в 1908 году в городе Вальпараисо. После окончания университета в Сантьяго с начала 1930-х годов активно занялся политикой, был одним из основателей Социалистической партии Чили (СПЧ).

⁴ MIR — Movimiento Izquierda Revolucionario (Левое революционное движение) — было создано в 1964 году на базе университетского студенческого движения в городе Консепсьон.

⁵ См. **Morandé F.** El Caso Chileno. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. Buenos Aires: CIEDLA, 1993. P. 11.

Нельзя не упомянуть и тот факт, что значительную роль в судьбе Народного единства сыграла международная обстановка «холодной войны» и, бесспорно, позиция США, стремившихся любой ценой не допустить повторения кубинского примера и прибегнувших к помощи ЦРУ и политике экономического и финансового бойкота Чили. Из рассекреченных после 1973 года документов стало известно об особых планах президента Р. Никсона в отношении Чили и специальных указаниях, данных ЦРУ, по дестабилизации экономического и социального положения в стране.

Однако, при всей значимости внешних обстоятельств, наиболее трагическую роль все-таки сыграл раскол внутри самих левых сил, отсутствие вза-

Именно левацкие позиции «своих», вместе с возрастающим давлением со стороны политизированных беднейших слоев, требовавших ускорения темпов реформ, стали основной причиной жестокого кризиса власти, общей неудачи «социалистического проекта» и во многом той трагедии, которую предстояло пережить обществу.

имопонимания и общности позиций по ключевым вопросам — о масштабах, темпах и последствиях проводимых преобразований. Как с горечью писали впоследствии чилийские коммунисты, оказавшиеся в эмиграции в Советском Союзе, — в частности В. Тейтельбойм, «действия блока были парализованы, руки его связаны, он вел нескончае-

мые, бесполезные дискуссии»⁶. И это — в условиях нараставшего общественного недовольства и подготовки государственного переворота. Неудачное руководство страной, толкнувшее на сторону реакции средние слои, называл главной ошибкой политики Народного единства и Л. Корвалан⁷. Таким образом, именно левацкие позиции «своих», вместе с возрастающим давлением со стороны политизированных беднейших слоев, требовавших ускорения темпов реформ, стали основной причиной жестокого кризиса власти, общей неудачи «социалистического проекта» и во многом той трагедии, которую предстояло пережить обществу.

* * *

11 сентября 1973 года главнокомандующий сухопутными силами генерал Аугусто Пиночет при поддержке всех родов войск совершил государственный переворот. Правительство Народного единства было свергнуто,

⁶ Тейтельбойм В. Прелюдия грядущих побед // Проблемы мира и социализма. 1974. № 3. С. 58.

⁷ См. Корвалан Л. Невооруженный путь революции: как он сложился в нашей стране. Об уроках событий в Чили // Проблемы мира и социализма. 1978. № 1. С. 22.

С. Альенде застрелился во дворце Ла Монеда, отказавшись покинуть свой пост, в стране установился военный режим — один из самых репрессивных и жестоких в Латинской Америке. Многим современникам событий предательство вооруженных сил, пошедших на свержение законной демократической власти, на преступление против конституции, представлялось злом такого масштаба, у которого не могло быть ни объяснений, ни оправданий. «Как?» — этот вопрос задавали в те дни и сами чилийцы, и сочувствующие наблюдатели за рубежом.

В то же время, помимо очевидных причин, подтолкнувших военных к нарушению многолетней демократической традиции, важнейшую роль сыграло и глубокое внутреннее убеждение чилийских вооруженных сил в своем *праве* на подобное вмешательство. Это убеждение было сформировано всей логикой их исторического развития, специфическим менталитетом военных, и в этом смысле переворот А. Пиночета был для Чили явлением экстраординарным, трагическим, но, тем не менее, в чем-то вполне предсказуемым.

Чилийские вооруженные силы были созданы в ходе Войны за независимость от Испании (1810—1818) и в XIX веке не проиграли ни одной военной кампании, а их девизом стали слова «Всегда победитель и никогда — побежденный». Самой важной явилась победа в кровопролитной Тихоокеанской войне с Перу и Боливией (1879 — 1883)⁸, в результате которой Чили продвинула свою границу далеко на север, приобрела 180 тысяч километров новых земель, богатых селитрой и медью, и заняла господствующее положение на Тихоокеанском побережье. Перу утратила тогда часть своих территорий, а Боливия навсегда потеряла выход к морю⁹.

В конце XIX века вооруженные силы Чили были реформированы по новейшим для своего времени образцам: армия — по германскому, с помощью приглашенных прусских офицеров¹⁰, флот, в котором со времен Войны за независимость принимали участие английские морские офицеры, в том числе знаменитый адмирал лорд Томас Кокрейн, — по британскому. Здесь и в последующие годы сохраняла свое влияние английская морская традиция¹¹.

Постепенно возникла и укрепилась идея «особой миссии военных» по защите внутренней безопасности страны, «спасению общества» и «конституционного порядка» в критические моменты национального развития. Насаждавшаяся элитарность, даже кастовость самосознания военных, подкрепленная ореолом победителей, высокое положение офицеров в социальной структуре чилийского общества сформировали убеждение в их естественном праве периодически вмешиваться в политику, выступая в роли

⁸ См.: **Guzmán A.** Historia de Bolivia / 6-ta ed. revisada y actualizada. La Paz, 1981. P. 222; **Томас А. Б.** История Латинской Америки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 351—359.

⁹ Несмотря на договоры о границах (в 1904 году — с Боливией, в 1924-м — с Перу), этот конфликт так и не был разрешен, что до сих пор осложняет чилийско-боливийские отношения.

¹⁰ В 1895 году в Чили была приглашена группа прусских офицеров во главе с Э. Кернером, ставшим создателем чилийской военной сухопутной школы.

¹¹ См. **Ramírez Necóchea H.** Fuerzas Armadas y política en Chile (1810—1970). Mexico, 1984. P. 57. Адмирал Т. Кокрейн был приглашен Б. О'Хиггинсом в 1818 году для участия в Войне за независимость на стороне Чили и создания национального флота. Он руководил им в нескольких важнейших морских сражениях, сыгравших роль в освобождении Чили и Перу.

«арбитра». В 1891 году Чили пережила жестокий гражданский конфликт, вызванный попыткой президента Х. М. Бальмаседы провести национализацию селитряной промышленности вопреки интересам британских горнодобывающих компаний и консервативной элиты, опиравшейся на поддержку конгресса и флота. Конгресс спровоцировал антипрезидентский мятеж морских офицеров и гражданскую войну, в которой верные президенту сухопутные части потерпели поражение, а сам Бальмаседа застрелился.

В начале XX века чилийские военные были активными участниками политической жизни и даже на короткий срок приходили к власти (например, правительство генерала Карлоса Ибаньеса в 1927—1931 годах или просуществовавшая в 1932 году 12 дней «социалистическая республика» полковника Мармадуке Грове, представителя течения революционно настроенных молодых военных). Тем не менее с 1932 года, несмотря на неоднократно возникавшие политические кризисы, в Чили на 40 лет утвердился стабильный демократический режим, в ходе развития которого был взят курс на постепенную деполитизацию и нейтрализацию вооруженных сил.

Многим чилийским политикам, даже самым проницательным и дальновидным, подобно экс-президенту Э. Фрею, казалось, что этот курс, вместе с традицией политического плюрализма и развитой многопартийностью, — надежная защита от военной диктатуры. Однако реальная политическая практика оказалось иной.

После избрания С. Альенде президентом, главкомом сухопутных сил стал генерал Карлос Пратс, убежденный сторонник идеи невмешательства военных в политическую жизнь, верности конституции и демократии. В ноябре 1972 года генерал Пратс, получивший также важнейший пост министра обороны в правительстве, хорошо представляя себе масштабы надвигающейся опасности, выступил против политики бесконтрольного огосударствления экономики, что встретило резкое неприятие левых радикалов в Народном единстве. По их требованию Альенде был вынужден принять отставку Пратса и с поста министра обороны, и с поста командующего армией, на который по его рекомендации в августе 1973 года и был назначен 58-летний генерал Пиночет.

Трагизм ситуации заключался в том, что именно Пиночет, зарекомендовавший себя как человек, лояльный конституционному строю, представлялся и Пратсу, и Альенде наиболее надежной кандидатурой. Через 18 дней после своего назначения А. Пиночет возглавил государственный переворот, который был осуществлен как продуманная, хорошо спланированная военная операция. Она предполагала взаимодействие всех родов войск — помимо сухопутных сил, еще ВВС и флота, главкомы которых генерал Г. Ли и адмирал Х. Торибю Мерино в значительной степени также являлись разработчиками заговора. Впоследствии они вошли в состав сформированного Пиночетом правительства — военной хунты.

Таким образом, к началу прихода к власти Пиночета специфика национальной политической традиции состояла в том, что наряду с демократической культурой, парламентаризмом и политическим плюрализмом в Чили всегда существовала и традиция признания особой роли, даже «особой миссии» армии в сохранении и защите общественного порядка. В критические моменты истории чилийские военные, обладавшие высоким социальным

статусом и специфическим самосознанием, не только не оставались сторонними наблюдателями, но активно вмешивались в политику, считая себя главным гарантом национальной безопасности и стабильности и выступая против ситуации, угрожавшей хаосом и беспорядком. Наряду с длительными периодами демократического развития чилийская история знала и периоды военных диктатур — достаточно краткосрочных, но сформировавших определенный опыт и прецедент.

В 1973 году военные также вмешались в политическую жизнь — но сделали это не только предельно жестко и бескомпромиссно, не только абсолютно безжалостно по отношению к гражданскому населению, но еще и продемонстрировав, что они пришли всерьез и надолго. Военные прошлых лет могли подавить протестные выступления, отправить в ссылку наиболее радикальных оппозиционеров, но всегда действовали в рамках сложившейся и характерной для своего времени системы ценностей, не выходя за определенную грань «допустимого» насилия. Никогда до 1973 года «политические интервенции» вооруженных сил не приводили к такому репрессивному и длительному авторитарному режиму, не влияли так кардинально на общество, не расправлялись столь последовательно и цинично со своими политическими противниками. На сей раз к власти пришла сила, которой было недостаточно кратковременной роли арбитра: она имела свой проект развития и стремилась претворить его в жизнь.

Вместе с падением правительства Народного единства и гибелью президента Альенде закончился длительный демократический период в истории страны и начался новый — период военно-авторитарного правления.

* * *

Военный переворот приостановил деятельность либеральной конституции 1925 года, по которой Чили жила почти 50 лет, и передал всю власть хунте (состоявшей из командующих родами войск и главы корпуса карабинеров). Однако реальное лидерство и вся полнота власти принадлежали генералу Пиночету.

Стремясь обосновать в глазах общества жестокость самой акции, Пиночет обвинил либеральную демократию в слабости и неумении защищать свои ценности. Он утверждал, что «традиционная демократия несет в себе зародыш собственного разрушения», а либеральная политическая система оказалась уязвима и бессильна перед лицом «тоталитарного марксизма» и радикального политического насилия, приходящего под лозунгами мирной социальной революции¹².

Апеллируя к христианским идеалам, необходимости «восстановления порядка» и спасения родины от «марксистской угрозы», военные в самые короткие сроки подавили всю традиционно богатую и многообразную политическую жизнь страны. Особое раздражение новой власти вызывали партии с их приверженностью свободе, коалициям и союзам. Поэтому в 1973—1977 годах деятельность всех политических партий и движений, хотя бы частично выступающих против политики военного правительства, была полностью запрещена.

¹² См. Pinochet: Patria y Democracia. Santiago de Chile: Ed. Andres Bello, 1983. P. 13.

Неотъемлемой частью этого процесса стали политические репрессии, масштаб и жестокость которых в стране с глубокими демократическими традициями повергли в шок современников не только в Чили, но и в других странах, особенно в Западной Европе. Все участники левого движения и просто сочувствующие Народному единству — социалисты, коммунисты, члены леворадикальных организаций — были подвергнуты преследованиям: одни погибли, другие оказались в тюрьме, около 1 миллиона чилийцев уехали в эмиграцию (при тогдашнем населении страны порядка 10 миллионов человек). Преследования коснулись и представителей других партий (например, левых христианских демократов), журналистов, университетских преподавателей, студентов. Среди погибших было много живших в Чили иностранцев, случайных прохожих, оказавшихся на улице в момент переворота и попавших на печально знаменитый Национальный стадион в Сантьяго, откуда задержанные почти не возвращались.

Особенно жестокими были нарушения прав человека в 1973—1977 годах. Военным режимом была создана специальная служба безопасности — тайная полиция ДИНА под руководством генерала М. Контрераса¹³, одной из задач которой было уничтожение известных оппозиционных политиков и военных не только внутри, но и за пределами Чили, в эмиграции. В ходе операции «Кондор», проводившейся спецслужбами Чили, Аргентины и Уругвая, были убиты: в США — бывший министр иностранных дел в правительстве Альенде О. Летельер, в Буэнос-Айресе — генерал К. Пратс и его жена; в Риме искалечен взрывом вместе с женой лидер левых христианских демократов Б. Лейтон.

Репрессии осуществлялись на фоне массовой идеологической кампании и пропаганды в СМИ, заявлявших о том, что «Чили стала страной братьев», в которой любовь и социальная солидарность «побеждают все»¹⁴.

Сами же военные стали практически неподсудной кастой: в 1978 году был издан специальный Закон об амнистии, освободивший их от возможного наказания и ответственности за все акты насилия против политических противников, совершенные в годы режима.

Специальные правительственные комиссии, созданные уже после восстановления демократии, к 1993 году, официально подтвердили гибель в эти годы 3 тысяч человек. Впоследствии общее число пострадавших — пропавших без вести, арестованных, подвергшихся пыткам — выросло до 40 289 человек¹⁵. На самом деле жертв было во много раз больше — по некоторым данным, до 155 тысяч человек¹⁶. Однако подтвердить эту цифру с помощью документов сейчас практически невозможно.

¹³ Dirección de Inteligencia Nacional (DINA). Под этим названием организация существовала до 1977 года, когда была переименована в CNI — Centro Nacional de Informaciones. (Национальный информационный центр).

¹⁴ См. **Canobbio M.** *Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política, 1920—1994.* Santiago de Chile, 1995. P. 288.

¹⁵ См. www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf

¹⁶ См. **Canobbio M.** *Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política, 1920—1994.* P. 288.

* * *

Впрочем, если бы режим Пиночета был только репрессивным авторитарным режимом с практикой массовых нарушений прав человека и навязчивой идеей укрепления личной власти, его характеристика и анализ не вызывали бы ни малейших сомнений. Однако важнейшей стороной деятельности военного правительства стали экономические реформы, заложившие основы новой модели развития и позволившие стране не только преодолеть тяжелейший кризис 1973 года, но в относительно короткие сроки органично вписаться в мировую экономику. Противоречие между репрессивной политической сущностью диктатуры, насильственными методами реформирования и созданием в итоге успешной эффективной экономической модели стало главным внутренним конфликтом пиночетовского периода.

Для реализации новой стратегии были привлечены молодые эксперты-профессионалы, последователи чикагской школы М. Фридмана (так называемые «чикагские мальчики»). Суть их программы заключалась в кардинальном отказе от государственного протекционизма и создании рыночной экономики открытого типа, развивающейся «вовне» как составная часть мирового хозяйства. Это был отказ не просто от неудачной практики Народного единства, но от всей предшествующей концепции развития, основанной на идее максимальной поддержки национальной промышленности с помощью мер государственного протекционизма¹⁷. Кризис этой модели в Чили не был изобретен Альенде или Пиночетом — он стал проявляться еще в 1960-е годы, заставляя различные политические силы предлагать свои программы развития.

Катастрофическое падение экономики в 1973 году, усталость и растерянность общества военное правительство рассматривало как своего рода индульгенцию на проведение кардинальных преобразований в сжатые сроки — и буквально на следующий день после переворота получило от команды «чикагских мальчиков» обширную программу новой экономической политики.

Это была программа жестких неолиберальных реформ. В соответствии с ее рекомендациями потенциал роста экономики был поставлен в прямую зависимость от развития самых конкурентоспособных, динамичных экспортных отраслей. Соответственно, важнейшим звеном экономической политики стало стимулирование производства тех товаров и услуг, которые могли наиболее успешно конкурировать на мировых рынках, целенаправленная и диверсифицированная поддержка производителей-экспортеров, ставка на активность и творческий подход в продвижении своих торговых брендов. Отраслями, в развитии которых Чили обладала естественными преимуществами, были: горнодобывающая промышленность (особенно меднорудная, так как Чили является крупнейшим в мире поставщиком меди) и производство сельскохозяйственных продуктов (главным образом вина, фруктов, рыбы и морепродуктов). Стратегия развития, заданная этим отраслям, предполагала превращение страны в ведущего мирового экспортера этих товаров.

¹⁷ Эта концепция получила название «импортзамещающей индустриализации» (подробнее см. **Симонова Л. Н.** Финансовая либерализация: чилийский вариант. М.: ИЛА РАН, 2003. С. 13).

Неотъемлемой частью новой модели развития явилась политика приватизации, охватившая масштабный государственный сектор чилийской экономики. Сотни компаний и банков были переданы в частные руки, наиболее неэффективные просто ликвидировались. Если в 1973 году в Чили свыше 5 тысяч предприятий и банков находились под контролем государства, то в 1980-м — всего 25¹⁸. Тем не менее жизненно важные для страны, стратегические отрасли (меднорудная промышленность, энергетика, транспорт и связь) все-таки не были приватизированы¹⁹.

В сельском хозяйстве ставка была сделана на новый предпринимательский класс земельных собственников, готовых производить конкурентоспособную аграрную продукцию. Экспроприированные при Альенде земли не полностью возвращались прежним владельцам, а передавались крестьянам в виде участков с правом продажи, что быстро привело к скупке неэффективных хозяйств и формированию новых, ориентированных на экспорт производств²⁰.

Комплекс жестких мер включал также оздоровление финансовой сферы и преодоление колоссальной инфляции. В 1974—1976 годах правительство резко сократило бюджетные расходы, ввело универсальный 10-процентный налог на прибыль, усилило налоговую дисциплину. В итоге бюджетный дефицит действительно сократился с 10,5 процента ВВП в 1974 году до 2,6 процента в 1975-м²¹.

Тем не менее модернизация представляла собой сложный, поэтапный процесс. Реальные положительные сдвиги проявились только в 1980—1981 годах, когда в результате структурных преобразований и повышения производительности труда в наиболее конкурентоспособных экспортных отраслях экономический рост составил 7,8 процента (после 1 процента в 1974 году), а инфляция с трехзначных цифр снизилась до 9,5 процента. Экспорт сельскохозяйственной продукции вырос за 1974—1982 годы почти в 6 раз²².

В 1982—1983 годах страну потряс мировой финансово-экономический кризис, влияние которого на Чили с ее рыночной ориентацией и полным отсутствием государственного регулирования оказалось наиболее разрушительным. Произошло падение всех экономических показателей (глубочайший экономический спад, сокращение ВВП на 14 процентов, рост безработицы до 30 процентов²³, более 1,5 тысячи обанкротившихся предприятий, разрушение банковской системы). Чилийская ситуация усугублялась тем, что военное правительство, надеясь на устойчивость финансовой системы страны, долго действовало в соответствии с классическими неоли-

¹⁸ См. **Morandé F.** El Caso Chileno. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. P. 15.

¹⁹ См. **Симонова Л. Н.** Финансовая либерализация: чилийский вариант. С. 32.

²⁰ См. **Bitar S.** Chile: liberalismo económico y dictadura política. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1980. P. 116.

²¹ См. **Симонова Л. Н.** Финансовая либерализация: чилийский вариант. С. 33.

²² См. **Morandé F.** El Caso Chileno. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. P. 27.

²³ См. Очерки истории Латинской Америки. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2004. С. 210.

беральными рецептами, которые были уже неприемлемы в новых, критических, условиях.

Последствия кризиса заставили Пиночета внести коррективы в жесткую рыночную модель «чикагской школы» и пересмотреть ее рекомендации, что привело в итоге к серьезному переосмыслению всей экономической политики и переходу с 1982 года ко второму этапу реформ. Этот этап характеризовался отказом от наиболее жестких либеральных схем и формированием нового курса, основанного на сочетании рыночных механизмов и методов государственного регулирования.

Государство стало более активно вмешиваться в экономику, поддерживая ряд отраслей, испытывающих наибольшее давление кризиса, а также малые и средние предприятия, сельское хозяйство с помощью системы льготных кредитов и других мер. Правительство приостановило увольнения на госпредприятиях, приступило к финансированию проектов в области инфраструктуры, к осуществлению которых привлекались безработные²⁴. В 1984 году была принята новая налоговая реформа, нацеленная на стимулирование внутренних сбережений и инвестирование в производство. Кроме того, иностранные банки и МВФ предоставили Чили в 1983—1985 годах ряд крупных кредитов.

Положительные результаты этой политики стали заметны уже в 1984 году: экономический рост составил 6 процентов в год и в дальнейшем постоянно увеличивался (до рекордных 10 процентов в 1989-м)²⁵.

В итоге к концу 1980-х годов Чили превратилась в одну из самых экономически эффективных, конкурентоспособных, динамично развивающихся стран Латинской Америки, которая стремилась не противостоять процессу глобализации, а использовать его возможности. Активному продвижению на мировой рынок национальных торговых брендов способствовала специально созданная в 1974 году при Министерстве иностранных дел организация «ПроЧили» (ProChile). В ее задачи входила поддержка экспортной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса, организация международных рекламных кампаний и торгово-промышленных выставок. Деятельность «ПроЧили» в постпиночетовский период внесла огромный вклад в создание имиджа чилийских товаров как самых лучших и качественных (особенно вина, фруктов и морепродуктов).

Таким образом, в экономике чилийская модель, внедренная методами «проб и ошибок», прошедшая несколько этапов реформирования, все-таки доказала свою эффективность. Была создана база для поступательного развития страны и реализации масштабных социальных проектов уже в демократические 1990—2000-е годы. Однако характерной чертой чилийской экономической модернизации явился тот факт, что неолиберализм был фактически навязан обществу диктаторскими методами, а сама модернизация оплачена, помимо политической несвободы, еще и высокой социальной ценой.

Государственный сектор полностью утратил ведущее положение в социальной сфере, уступив место частному капиталу и предельно жесткому

²⁴ См. **Симонова Л. Н.** Финансовая либерализация: чилийский вариант. С. 63.

²⁵ См. **Morandé F.** El Caso Chileno. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. P. 25, 41.

подходу, в соответствии с которым на минимальную, ограниченную помощь могли рассчитывать только наиболее уязвимые категории населения, а преодоление бедности из приоритета государственной социальной политики превратилось в вопрос добровольной благотворительности рыночных институтов и частных лиц. В насаждении неолиберальной идеологии значительную роль сыграл и сам Пиночет, много и красноречиво говоривший о новых возможностях и перспективах для всего общества в целом и для каждого чилийца, о творчестве, индивидуализме, активности, обязательном вознаграждении за свой труд, преодолении апатии и иждивенчества.

В ходе реформы социального обеспечения (1981) протекционистская роль, которую выполняло ранее государство, перешла к частным фондам и децентрализованной системе управления, а пенсионная система была заменена принципом индивидуальных личных накоплений. Образование и медицинское обслуживание (после реформ 1981 года) также стали считаться продуктами рынка, которые необходимо покупать. Итогом социальной политики военного режима стал стремительный рост бедности и нищеты, в тисках которых к 1989 году оказалось около половины населения страны — 38,6 процента (а по некоторым данным — 45 процентов)²⁶. По уровню социального неравенства страна находилась на 54-м месте в мире²⁷.

Таким образом, важнейшей особенностью 17-летнего авторитарного режима явилось то обстоятельство, что жестокость и контроль за политической жизнью сочетались в его практике с высокой степенью экономической свободы, интенсивным процессом приватизации, эффективностью проводимых реформ, действительно приведших к оздоровлению экономики. Обратной стороной всего процесса стали социальное неравенство и удручающая бедность значительной части населения страны, за счет которой во многом и создавалась чилийская модель ускоренного экономического развития.

Основой для внутреннего сопротивления пиночетизму и спасительной гаванью для простых людей в жестокой стихии неолиберальных ценностей оставалось развитое гражданское общество, неподконтрольное авторитарной власти. Переживая репрессивные ограничения общественной свободы, отказ государства от всех социальных обязательств, рост бедности и неравенства, чилийцы обращались к практике низовой самоорганизации, солидарности и взаимопомощи: организовывали «самодеятельные кухни» и закупочные кооперативы для жителей своего района, микропредприятия, всевозможные объединения взаимной поддержки (в которых огромную роль играли женщины).

В условиях, когда правозащитная деятельность оставалась часто предельно опасной и недоступной обычным людям, именно низовая, незаметная социальная практика, распространявшаяся на уровне соседских общин, да-

²⁶ См.: CEPAL. Panorama social de América Latina. 2001—2002. Santiago de Chile, 2003. P. 211; **Arenas de Mesa A., Gusman Cox J.** Política fiscal y protección social en Chile. — Revista de la CEPAL (Santiago de Chile). 2003. № 81. P. 131—132.

²⁷ См. **Moulian T.** Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 95—96.

лекая на первый взгляд от политики, была тем жизненным ресурсом, с которым военный режим ничего не мог сделать. В этой сфере общество, имевшее развитую традицию гражданской активности, солидарности и внутренней свободы, продолжало сохранять свои демократические ценности и подспудно готовило базу для перехода к демократии.

Временность авторитаризма и неизбежность возврата к демократии, по видимому, всегда ощущались и чилийским обществом, и самой властью. С 1980 года наблюдается постепенная и ограниченная либерализация пиночетизма, смягчение репрессий, поиск способов для расширения своей поддержки. Важнейшим шагом на этом пути стало принятие в 1980 году новой конституции, одобренной на национальном плебисците 67 процентами голосов²⁸.

В соответствии с этой конституцией Чили объявлялась президентской республикой с сильной исполнительной властью. Гражданам формально предоставлялись основные демократические права, но деятельность политических партий и СМИ оставалась под жестким контролем государства: вне закона были объявлены партии, выступавшие против режима. Предусматривалось создание Совета национальной безопасности как контрольного органа при президенте, без согласия которого последний не мог назначать и смещать главнокомандующих родов войск и командующего корпусом карабинеров. Совет обладал правом широко трактовать вопросы безопасности и влиять на любой другой орган государственной власти, что означало законодательное закрепление особой роли вооруженных сил в политической системе страны. Для ближайших соратников Пиночета оговаривалось право после отставки становиться назначенными сенаторами с депутатской неприкосновенностью.

Сам же Пиночет назначался президентом страны еще на восемь лет (до 1988 года), оставаясь одновременно главнокомандующим вооруженными силами. По окончании этого срока предполагалось провести референдум и, в случае отрицательного для Пиночета результата, который в 1980 году казался маловероятным, — президентские выборы. Самому генералу после отставки предназначался пост пожизненного сенатора.

Конституция 1980 года носила недемократический характер, но ее принятие означало, что военный режим вступил в новую стадию и постепенно, мирным путем, подчиняясь разработанной им самой логике компромисса, может уступить место гражданскому правительству.

В 1987 году был издан закон о политических партиях, который предоставил право регистрироваться и легально действовать всем партиям, обязующимся соблюдать конституцию. Эта мера контроля над процессом в реальности позволила демократической оппозиции легализоваться, принять навязанные ей правила игры и создать важное по своей значимости политическое объединение — левоцентристскую коалицию «Консертасьон»²⁹, костяк которой составили социалисты и христианские демократы. Пережив крах своей политики, репрессии и гибель соратников, и СПЧ, и ХДП к концу

²⁸ См. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы. М.: Наука, 2000. С. 321.

²⁹ Объединение партий за демократию (Concertación de Partidos por la Democracia). В настоящее время, включив в свой состав также КПЧ, выступает под названием «Новое большинство».

авторитарного правления были готовы к компромиссам друг с другом и с Пиночетом, прекрасно понимая, что путь прямой вооруженной борьбы совершенно недопустим. Коммунисты же остались на старых идейных позициях, которые в эмиграции стали еще более жесткими, и не вошли в состав «Консертасьон».

Обещанный референдум 1988 года принес поражение военному режиму и лично Пиночету: 54,5 процента населения высказалось за проведение новых демократических выборов, в результате которых 14 декабря 1989 года президентом страны был избран христианский демократ, один из лидеров «Консертасьон» Патрисио Эйлвин (1990—1994). Таким образом, с 1989 года Чили мирным путем, в результате проведения референдума и выборов, вступила в новый этап развития — этап демократического перехода. Военный режим прекратил свое существование, но Пиночет не торопился уходить с политической сцены, сохранив за собой до 1998 года важнейший в армии пост главнокомандующего сухопутных сил.

* * *

Демократический переход, занявший десятилетие 1990-х годов, был невероятно труден. Он приобрел характер инициированного «сверху», «управляемого» процесса, в котором ведущую роль сыграла демократическая элита страны, представленная коалицией «Консертасьон». От первых правительств, возглавляемых христианскими демократами П. Эйлвином и Э. Фреем-младшим (1994—2000)³⁰, потребовались огромная политическая воля, профессионализм, личное мужество и выдержка, поскольку до своей отставки с поста главнокомандующего Пиночет оставался важнейшей фигурой, способной диктовать условия политической жизни, влиять на настроения в армии и в обществе. («День, в который вы посмеете тронуть хотя бы одного из моих людей, будет последним днем правления закона», — предупреждал он правительство³¹.)

Тем не менее чилийцы сумели преодолеть все риски этого этапа, «особую роль» военных, влияние Пиночета, драму бедности, а главное — не допустить новой конфронтации и гражданского конфликта на почве расхождений в оценке пиночетизма. Значительная часть общества, представленная правой оппозицией, продолжала поддерживать военных, считая их «спасителями», и была против отмены Закона об амнистии 1978 года, который фактически запрещал начать полномасштабные судебные процессы. Демократические правительства были вынуждены считаться с этой реальностью — и не отменили спорный закон, отправив за решетку только наиболее одиозных из представителей спецслужб (в частности, генерала М. Контрераса). Это была необходимая, вынужденная и горькая цена гражданского мира — однако именно сегодня эта политическая жертва, принесенная убежденными демократами и антипиночетистами, вызывает наибольшие споры и разногласия в современном чилийском обществе.

³⁰ Эдуардо Фрей Руис-Тагле — сын президента Э. Фрея (1964—1970).

³¹ Silva P. Searching for Civilian Supremacy: The Concertacion Governments and the Military in Chile // Bulletin of Latin American Research. 2002. Vol. 21. № 3. P. 380.

Важнейшим содержанием 1990-х годов стали масштабная социальная политика по преодолению бедности, развитие специальных социальных программ, в результате которых число бедных в стране к 2000 году сократилось в два раза (до 20 процентов), что укрепило позиции демократической власти и популярность правящей коалиции «Консертасьон».

В ходе последующего периода — консолидации и совершенствования демократии — страну возглавляли социалисты Рикардо Лагос (2000—2006) и Мишель Бачелет (2006—2010) — также представители «Консертасьон». На этом этапе была серьезно реформирована «пиночетовская» конституция 1980 года, утратившая все статьи, сужавшие пространство демократии. Вооруженные силы окончательно перешли на позиции нейтрального института на службе демократического государства; правая оппозиция дистанцировалась от пиночетизма, а сам Пиночет с конца 1990-х до своей смерти в 2006 году уже не играл никакой роли в чилийской политике. Правительства Лагоса и Бачелет стали самыми успешными, социально-ориентированными в новейшей истории Чили: при эффективной экономической политике развивались масштабные социальные программы в области образования, здравоохранения, строительства жилья, преодоления бедности, которая сократилась к 2010 году до 13 процентов (для Латинской Америки это низкий показатель).

Тем не менее полностью преодолеть бедность и нищету, сделать бесплатным и доступным высшее образование, а главное — принципиально снизить социальное неравенство, правительствам левоцентристов все-таки не удалось. Чилийская экономическая модель, основанная на принципах неолиберализма, оставляла простор для адресной социальной политики, однако только при условии соблюдения достаточно жестких правил игры. Следствием нерешенности ряда социальных проблем стало нараставшее общественное недовольство, которое вылилось в масштабные молодежные протесты в годы президентства Себастьяна Пиньеры (2010—2014), представителя впервые пришедшей к власти правой оппозиции.

Политика Пиньеры (успешного предпринимателя-миллионера), ориентированная на экономическую эффективность и прагматизм в ущерб возросшим социальным ожиданиям, привела к обострению всех накопившихся, но долго не проявлявших себя противоречий: недовольства неравенством жизненных перспектив, особенно заметным в сфере образования; невозможностью найти престижную работу для выходцев из бедных слоев; медленным улучшением качества жизни небогатых групп населения на фоне впечатляющих темпов роста чилийской экономики (в среднем 5 процентов в год). Выразителями этих настроений стали студенты, организовавшие в 2011—2013 годах массовые выступления, которые поставили демократическую власть перед сложным выбором: пойти на более серьезные социальные и политические реформы или сохранить принятый и доказавший свою правильность курс, в основе которого — постепенность, стабильность, экономические приоритеты.

В этом контексте 40-летие военного переворота только добавило негативных эмоций и трагических воспоминаний. Оказалось, что все «отложенные» в 1990-е годы проблемы — в том числе и невозможность осудить военных, доказав неотвратимость возмездия, — сегодня оборачиваются против

политической стабильности и согласия, ради которых когда-то и были принесены в жертву.

Таким образом, чилийская модель развития ставит перед ее творцами новые вопросы и вызовы и в социальной, и в политической сфере, решать которые придется новому президенту — Мишель Бачелет. В своей предвыборной программе она пообещала принять новую конституцию, ввести всеобщее бесплатное и качественное образование, провести целый ряд реформ по дальнейшему совершенствованию демократии. Хочется верить, что все получится — если не у М. Бачелет, то у следующего демократического президента, поскольку чилийская модель развития, несмотря на все препятствия, уже неоднократно демонстрировала миру и свою устойчивость, и свою способность к адаптации. ◆